

Олег Фомин

Минотавр

18+

Олег Геннадьевич Фомин

Минотавр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57211523

SelfPub; 2021

Аннотация

Молодой скульптор Артур в порыве ревности убивает жену. Остается лишь податься в бега, но ситуация осложнена тем, что Артур страдает альбинизмом – редким генетическим заболеванием, при котором кожа, волосы и глаза абсолютно белые. Как затеряться, будучи столь заметным? И как подобраться к тому, кто отнял самого близкого человека?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	49
Глава 5	67
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Олег Фомин

Минотавр

Глава 1

Мои колени упираются в ковер. На нем в дикой позе застыла фигура Светы. Платье залито кровью, глаза потухшие. В красном пузыре на губах замерло крошечное нелепое отражение.

У меня в кулаке – рукоять кухонного ножа. Клинок выкрашен густым, минуту назад оно бежало по Светиным жилам ...

Минуту ли? Сколько я уже стыну, как статуя?

Сейчас придет Ангела!

Я начал метаться по квартире, собирать рюкзак. Документы, деньги, банковская карта. Кошелек Светы. Содержимое шкапулок – в мешочек. Мой комп в рюкзак, Светин – в чехол. Немного подумав, сунул в карман ее телефон.

Рюкзак суетливо набивает брюхо одеждой, едой и питьем. В комнате сумрак, но меж занавесок подглядывает солнце, морщусь всякий раз, когда луч жжет по щеке... Самое главное, очки. Очки и глазные капли. Надо быть кретином, выйти на свет без всего этого, но в панике могу забыть и голову, не то что какие-то черные стеклышки.

Сердце чуть не выпрыгнуло – за окнами вопль сирены! Только отвесив себе леща, удалось врубить здравый смысл.

Не за мной. Еще рано.

Но в городе меня найдут, вопрос времени. То, что Свету убил я, будет первой же версией.

Под стихающей вой я сел на край дивана. Перед глазами снова ковер. Пальцы утонули в волосах, грызут череп.

Еще пару часов назад был обычный день в календаре. Света прихорашивалась, выбирала, что надеть на работу, а я открыл в ноуте 3d-модель и, засучив рукава, мешал глину. Заказ для выставки, очередной крылатый Амур с луком, почти готов. Вон, до сих пор на подставке, самовлюбленно занял центр комнаты, дожидается, радостный, когда мастер закончит крыло. Тетива натянута, стрела ищет новую цель. Взамен той, что у подножия в луже крови...

Я поднялся.

В полумраке брожу, как зомби, и пальцы скользят по предметам. Диван, комод, осиротевшие сундучки... Игрушки на подоконнике. Их вязала она. Цветы в горшках. Вечно забывала поливать, ручка пластиковой лейки в засохших пятнах глины. Каждый предмет зажигает в памяти картинку.

Я погладил по голове Амура, зашел в свой рабочий угол. На столике инструменты, чаша с водой, полотенце. Рядом котел с глиной, газовая духовка. Нагромождение мраморных глыб, пузатые от бетона мешки, целая крепость пластиковых банок с гипсом...

На мгновение удалось отречься от ужаса, который за спиной, когда взор застыл в самом углу.

Оттуда взирает статуя минотавра в человеческий рост.

Сплетения белых, как моя кожа, мускулов идеальны. Находящаяся скала, не то что я – скелет... Но мы братья. Тьма стала нам тюрьмой. Он был вынужден жить во тьме лабиринта, как я – за шторами. Я лепил брата вдумчиво, без спешки, мечтая однажды представить публике. Геометрию каждой мышцы помню без ноута. Это тело – венец совершенства.

Стало бы венцом...

Теперь так и останется – наполовину каркасом из проволоки и дощечек, словно мясо сгнило, обнажив кости.

Я развернулся... и присел возле Светы.

Женская кисть, оказавшись у меня в ладонях, тут же начала забирать тепло. Я спрятал ее лапку в клубок своих пальцев, веки опустились...

Душит невидимый ошейник, подступает судорога. Сейчас придется покинуть это место навсегда. Место, где мы прожили три года. Если мне завязать глаза, я смог бы жить здесь на ощупь.

Захотелось лечь рядом, обнять, уткнуться носом в платье...

Пришлось вспомнить, из-за чего я взялся за нож.

Самые унижительные фрагменты свежего прошлого. Там ее целует ОН. Там она тает в его объятиях. А мне щебечет,

какой он замечательный. Веселым будничным тоном, словно подружке. Кстати, подружки в курсе. О новом романе Света болтать не стеснялась. А я как током шарахнут, не верю ушам...

Гнев нахлынул. Я сорвал обручальное кольцо с ее пальца. От желания швырнуть удержало лишь то, что кусочек серебра пригодится в ломбарде.

В прихожей задержало отражение. Двойник смотрит из зеркала бесцветными глазами. Господи, ведь все началось с ее будничного ворчания, мол, из-за меня в квартире шторы вечно задернуты... И вот уже приходится копать в волосах, нет ли крови. Проклятая болячка! Волосы белые, даже капелька красного будет видна.

Я нашарил в кармане флакончик с каплями. Моргаю в потолок, пока бутылочка роняет слезы сначала в один глаз, затем в другой. На меня вновь уставился близнец в зеркале. Под глазами заблестело, я шмыгнул носом.

Сдерживая желание вернуться, в последний раз оглянулся на уютный сумрак дома... и надел солнечные очки.

В дверях подъезда чуть не лоб в лоб столкнулся с Анжелой.

– Артур?

– Привет, Анжела.

Адреналин поднял бурю, меня трясет, даже не пытаюсь делать вид, что все в порядке. Анжела смотрела секунд пять, прежде чем удивленно-встревоженное лицо расслабилось,

изобразило усталое понимание.

– Опять поругались?

– Выгнала.

– Даже так! Что-то новенькое...

– У нее истерика. Чуть не поубивали друг друга... Где теперь ночевать, фиг знает!

Стресс играть не нужно, я и впрямь на взводе. Еще бы, жена не просто изменяла, даже перестала скрывать. Я в курсе подробностей ее свиданий с любовником. Знаю, кто он. А теперь меня еще и выставили, не дождавшись развода. Нет нужды врать. До момента, когда взялся за нож.

– Ну вы, ребят, даете!

Анжела клацнула жвачкой, два ноготка вынули изо рта розовый комочек, тот упал мимо урны. Подруга старше Светы на пять лет, но безымянный палец правой руки до сих пор пуст.

– А Светка позвонила пару часов назад, говорит, приезжай...

– Знаю, звонила при мне.

– Домофон набираю, не открывает. А тут ты выскочил.

– В подушку, наверное, ревет. Фиг достучишься, видеть никого не хочет...

– Че, реально в слезах? А мне говорила, ей на тебя начхать... Ну ты это, Арчи, не кисни.

Она чуть приблизилась, потрясла за плечо.

– Психанула, значит, не начхать. Любит! А с Лексом так,

чтоб насолить. Щас ей позвоню...

Анжела достала мобильник, а я повернулся к ней боком, кисть нырнула в карман куртки, выдохнул шумно, щеки вздулись. Сердце опять застучало бешено.

– Вряд ли ответит. Черт, и податься-то не к кому. Друзья разъехались как назло...

Стараюсь говорить громко, Анжела скребет когтем экран, а у меня в кармане пальцы мнут Светин телефон. Щелчок крышки спрятался за моим нитьем, ногти пытаются выгрызть батарею.

Я матюгнулся, вздрогнув вместе с телефоном, его вибрация длилась долю секунды, мелодия заиграть не успела. Горячая плитка оказалась зажатой в кулаке, а кулак по-прежнему в кармане.

Анжела отвела смартфон от уха.

– Вне зоны.

– Я ж говорю... И дверь, наверное, не откроет.

– М-да, дела...

Анжела растерянно вернула мобильник в сумочку, и мы какое-то время тупим у подъезда. Сердце слегка отпустило, я ощутил прохладное касание ветра. Если Анжела сейчас развернется и уйдет, Свету не хватятся еще довольно долго. Не брать трубку – ее стиль. Время покинуть город будет. А вот если Света не покажется онлайн в соцсетях, кто-нибудь может задуматься.

– Ладно, – говорю, – к вечеру, может, успокоится. Знаешь,

ты права. Она все еще меня любит. И я ее люблю. Я же видел, она хотела меня обнять! Ей чуть-чуть не хватило... Уверен, завтра поговорим, и она одумается. Спасибо, Анжела.

– Да ерунда.

Нет, не ерунда. У нас со Светой все наконец-то рухнуло, я без крыши над головой, развод, и вдруг... примирение? Мимика сдала Анжелу с потрохами.

– Только до завтра надо перекантоваться где-то.

Зачем я это сказал? Надо скорее рвать когти из города.

– Че, совсем негде?

Я пожал плечами, голова поникла. Очень не хотелось, но снял очки. Свет ударил в глаза, я зажмурился, брызнули слезы, пришлось прикрыть ладонью, протереть, привыкнуть... Вот и славно, пусть будут слезы отчаяния. Смотри, Анжела, до чего женушка довела.

– Придется где-нибудь на скамейке, – говорю убито. – Господи, ну и влип... Надо в бар, выпить.

Мать твою, Артур! Ты только что зарезал жену! Каждый час промедления грозит тем, что к тебе нагрянут ребята с наручниками. Прочь из города, пока можно! Пока твою морду не разослали по всем постам, не объявили план «Перехват» или что там полагается в таких случаях... Бежать! Сейчас!

Ты что, правда хочешь то, о чем только что подумал? Посреди всего этого?!

Анжела, глядя на меня, вздохнула.

– Ладно, предки до завтра на даче, постелю тебе на диван-

чике.

Я посмотрел на нее как на святую.

– Серьезно?

– Ну не бросать же тебя. Так и быть, ради семейного счастья подруги. Поехали. Выпить у меня есть.

Пока мы ехали, я гадал, заметит ли она, что чехол не от моего ноута. Анжела частенько бывала у нас, не знаю, обращала ли внимание на такую мелочь, как сумка для компа. А если заметила, но не подала вид?

– Как у тебя уютно, – сказал я, когда мы оказались в ее прихожей. – Так это... по-семейному. После работы возвращаться – самое то.

– Спасибо.

Анжела помогла стащить со спины рюкзак.

– Голодный?

– Немножко. Устал как собака. Как же ругань выматывает!

Не против, если душ захвачу минут на двадцать?

Анжела усмехнулась.

– Иди... захватчик. Щас принесу полотенце.

Обеспечив меня полотном махровой ткани, хозяйка упорхнула на кухню, зазвенела посуда. Я заперся в душе. Свет включать не стал – с моей светобоязнью хватает и того, что просачивается сквозь мутное окошко из кухни.

Под шипение воды развернул полотенце, на него улеглись детали Светиноного телефона и нож, побывавший в ее плоти. Его я протер влажной салфеткой, а затем спрятал под ван-

ной, на пальцах осталась пыль – туда, похоже, давно не заглядывали. То, что надо! Затем я собрал телефон. Включил. Приглушил яркость.

Сигнал слабый, но «ВКонтакте» худо-бедно пыхтит. С аккаунта Светы ответил на непрочитанные сообщения, в том числе, от Лекса... чтоб его!... Ответил предельно кратко, словами и смайлами, которыми жена привыкла пользоваться.

Оп! Новое сообщение.

От Анжелы!

светик, ты как???!!!

Я помедлил. Затем напечатал и отправил:

Норм...)

Добавил:

**Плохо мне, с Сережей поцапались... Зря его выгна-
ла(((**

Кручу краники, пытаюсь отрегулировать температуру воды, «Анжелочка печатает...».

Дзинь!

знаю, он рассказал. солнышко, держись!!!

Я вытер пальцы о край полотенца, большой запрыгал по кнопкам...

«Отправить».

Спасибо) Ты его видела? Как он?

К тому моменту, когда разделся догола, пришел ответ:

ему легче. он сейчас у меня, ему ночевать негде. я передам, что с тобой все норм, когда он выйдет из душа... все наладится, вот увидишь)))

Я усмехнулся.

Ну и стерва ты, Анжела!

Вновь разобрав телефон, я протер его куски салфеткой и спрятал туда же, где нож. После чего меня поглотили теплые струи душа...

Найдут Свету нескоро (буду верить в лучшее), вряд ли удастся установить время смерти с точностью до часа. Первым делом запросят историю звонков и переписки. Конечно, это запутает ищек лишь временно. Но прищемить гадюке хвост, как тут удержаться. У Анжелы впереди веселые деньки за решеткой до выяснения...

А вот ОН выйдет сухим! Даже слезу не проронит.

Когда я вышел из душа, обмотанный полотенцем, Анжела уже переделалась в домашний халатик.

– С легким паром! Что-то ты долго... Чем занимался, а?

– О Свете думал...

– Бедный.

О том, что недавно списалась со «Светой», Анжела рассказать не спешит. Меня там, можно сказать, зовут обратно домой, а она молчит. Хороша подруга, однако.

С тарелкой закуски и бутылкой коньяка мы устроились на диване в гостиной. Выпили по рюмке, после чего я принял несчастный вид – согнулся, схватился за голову, а уж скорбный фейс вышел что надо, уверен на все сто, хоть в зеркало и не видел. Достаточно прокрутить в голове ужас недавних событий, и слезы лезут сами, в носу свербит.

Света... Какая же мразь! Я б тебя зарезал еще раз! Но ты же такой не была... Я тебя любил!

– Я ведь люблю ее, Анжела... Зря, не заслуживает. А все равно люблю.

– Эй, все хорошо!

Анжела, сидя сбоку, обняла всей тушкой, положила голову мне на плечо, висок коснулся виска.

– Помиритесь. Знаю ее – подуется и сдуется.

Я накрыл ее ладонь своей.

– Спасибо, Анжелка. Ты такая добрая. Заботливая... Приютила, отмыла, накормила. Что б я без тебя делал! Завидую твоему будущему мужу. Эх, если бы судьба сложилась ина-

че...

До спальни мы так и не добрались. Пока диван медленно, но верно намокал, тарелка, бутылка и рюмки на столике ритмично вздрагивали. Орала и смеялась она как сумасшедшая.

Когда подошло мое время, Анжела резко привстала на локти, ее тело напряглось, глаза выпучились.

– Ты че, в меня?!

Я дернулся в последний раз, выдохнул с наслаждением.

– Да ладно... Залетишь – буду платить алименты. И вообще, у меня развод, скоро стану птица вольная. На какое-то время.

Ее испуг растаял в широкой улыбке. Анжела откинула голову на подлокотник дивана, задрожала от смеха. Наслаждается победой, тупая овца... Жаль, не увижу ее рожу, когда узнает, что Свете уже фиолетово. Можно было со мной не кувыркаться. Затащив меня в пещеру, эта виверна затащила к себе кучу проблем. И эта куча пылится под ванной.

Анжела уснула прямо на мокром диване. Я бы тоже с удовольствием, но смог позволить себе лишь двадцать минут на ковре. Рисковал продряхнуть до глубокой ночи, но жажда после секса была сильнее, поэтому я поднялся, пошел на кухню и напился холодной водой из-под крана.

Вода взбудрила.

Оделся. Закапал в глаза. Сунул в рюкзак начатую бутылку с коньяком. Удержался от желания написать маркером на входной двери: «Тут не заперто и на диване голая телка! Ло-

ВИ МОМЕНТ!»

Глава 2

Опасно приезжать сюда, но другого шанса не будет. Стук подошв по широким ступеням парадного входа отдается тревожным эхом. Чувство, будто каждый шаг слышен на другом конце города. Под слоновьими ногами колонн я блоха, хлипкий ошметок протоплазмы. Отшлифованные грани сверкают. Посмеешь хоть где-то оставить царапину – взвоят сигнализация, приедет грузовик, высыплются черные маски с автоматами.

А у меня только складной нож. Горб рюкзака и гиря в виде зачехленного компа, который делает меня одноруким. И как совершить то, что я задумал, в публичном месте, под камерами, и скрыться?

Меня трясло, когда в журнал посещений записывали мою фамилию. Администратор и охранник смотрят как на инопланетянина. Я хоть и привычен к косым взглядам, но сейчас это хворост в костер паранойи. Может, знают, что я совершил? Может, фоторобот уже на каждом столбе?

Впрочем, и без всяких правонарушений выгляжу так, словно чьи-нибудь права вот-вот нарушу. Даже если бы кожа не была белой как мел, внимание привлекают капюшон и черные очки. Но без них белизна станет видна за километр. Понятия не имею, как подобраться к НЕМУ незаметно. Тем более, он знает в лицо.

Блуждаю по лабиринту галерей, делаю вид, что вдруг при-
спичило поглядеть на антикварный хлам. Наверное, охра-
на смотрит в камеры, думает, хочу что-то украсть... Разве
что около статуй, кувшинов, глиняных украшений в глубине
меня пытается проклюнуться интерес, но скорлупа больно
твердая.

– Перед вами, дамы и господа, барельеф «Соблазнение
быка», второй век до нашей эры. Единственный дошедший
до нас экспонат из коллекции оберфюрера Штирхорна.

А вот теперь скорлупа треснула! Голос далекий, обтекает
шелковыми медузами эха, но я ни кем не спутаю этот тембр,
эти самовлюбленные интонации.

Лекс!

Страх быть разоблаченным и пойманным прячется за спи-
ной нарастающего гнева. Внутри проснулось нечто перво-
бытное, голоса ведут меня по коридорам, как запах крови
ведет волка в ночном лесу. Даже рюкзак и чехол не мешают,
будто в них воздух.

– А это что за зверь? – спросил кто-то.

– Вы про быка?

– Нет, про этого... обрей-фюрера.

– О, это легендарная личность!

Задыхаясь, я прибился к хвосту экскурсии. Публика раз-
ношерстая. Влюбленные парочки, студенты... Впереди паре-
нек в очках и свитере что-то записывает в блокнот. Справа
огромный дядька в шляпе, он него несет перегаром. Слева

беременная мамаша с ладонью на пузе устала в телефон, за ее плечом сгорбился в роли вешалки для пальто долговязый избранник, пытается не уронить тяжеленную клетчатую сумку.

Стараясь не высовываться, наблюдаю в просветы между головами.

– Барон Георг Штирхорн, – продолжает Лекс, – потомок древнего германского рода. Был известен невероятной физической силой, а также пристрастием к музейным ценностям.

Сквозь стекла солнцезащитных очков глаза щиплет блеск черной полосы, в которую собраны его волосы. Он и сам отполирован, как те колонны, которые нельзя царапать. Белая рубашка, черная жилетка с треугольником платка в грудном кармане. Улыбка серебристой цепочки от часов. Идеально выглаженные брюки, начищенные ботинки.

Дворецкий. С замашками лорда.

– Известно, что коллекцию исторических памятников, которую род Штирхорн издавна собирал в своем фамильном замке, барон возил по театру военных действий для поднятия боевого духа солдат СС и вермахта.

– Ну да, – мычит дядька в шляпе, – пожег из огнемета детишек, любовался живописью... культурная жизнь.

Лекс элегантно развел руки.

– Не без этого.

Прищелкнув пальцами, продолжил:

– Хотя главным экспонатом его коллекции все считали,

конечно же, супругу, фрау Штирхорн. Невероятная была красавица, как офицерская жена – образец для подражания. А заодно гид их семейного музея. Знала о каждом экспонате столько, что ваш покорный слуга провалился бы от стыда.

Кажется, ему и впрямь интересно. Состоявшийся, уверенный в себе красавец. Но при этом поглощен своим делом, как мальчишка. Идеальный мужчина с трогательным изъяном. И этот изъян – фонарик рыбы-удильщика. Приманка. Женщина представляет себя рядом с ним, как заботится о нем, чтобы в своем мальчишестве не расшиб коленку, вовремя кушал, чтоб не обманули его злые люди...

Ослепленная сиянием фонарика рыбешка не видит пещеру с зубами.

– Простите, – вмешался парень в очках и свитере, отвлекшись от черкания в блокноте, – но ведь музей краеведческий. Какое отношение барельеф из коллекции немецкого барона имеет к нашему краю?

– Оберфюрер Штирхорн командовал немецкими войсками в местных селениях. В его задачи входила борьба с партизанской активностью. Партизаны вели серьезную подпольную деятельность, но их тайный штаб не могли рассекретить в течение двух лет.

– То есть, все же рассекретили.

– По официальным документам, оберфюрер в рекордный срок мобилизовал солдат для спецоперации, провел их в самое сердце партизанского лагеря, зачистил и... по одной вер-

сии – погиб, по другой – пропал без вести...

Висок щекочет капля, внутренняя поверхность черных стекол начинает запотевать, щеки пылают, чувствую себя угольком в печи, среди таких же угольков.

С каждой секундой осознаю все яснее: сбежать не получится. С поклажей, под камерами, в гуще людей... Но я уже здесь, и тот, кто отнял у меня самого дорого человека... Вот он! Расхаживает туда-сюда с важным видом, отпускает изящные жесты, улыбается. Наслаждается собой...

– А как барон узнал, где находится штаб партизан? – не понимает парень с блокнотом.

Лексу это явно по душе. Повод блеснуть эрудицией.

– Видите ли...

Он вновь щелкнул пальцами.

– Один из ближайших соратников оберфюрера пишет, той ночью в здании сельской школы, где была размещена коллекция барона, произошло нечто ужасное. Барон вырвался из школы голый по пояс, в крови, с боевым топором из своей коллекции. От него разило спиртным, не мог связно говорить – только мычал. Солдаты не рискнули встать на пути командира, о его физической силе, как я уже говорил, ходили легенды. Он сбежал в лес, а в подвале нашли труп фрау Штирхорн. Расчлененный.

Народ ахнул, многие начали перешептываться, даже беременная отлепила взгляд от смартфона, назвала барона нехорошим словом, а ее муженек, перевесив сумку из покраснев-

шей ладони в другую, поддакнул.

Лекс выдержал театральную паузу, и вновь потекла речь:

– Офицеры, кто видел все это, спешно собрали всех поблизости, и этот небольшой отряд ринулся в лес за обезумевшим командиром. И по его следу вышел на партизанский лагерь! Барон успел так хорошо покосить ряды партизан, что отряд без особых хлопот расправился с оставшимися. Но самого оберфюрера так и не нашли.

– То есть, – уточнил человек-блокнот, – никакой спецоперации, по сути, не было?

Опять щелчок пальцев, Лекс ткнул указательным в сторону спросившего.

– Именно! У барона поехала крыша, он зарубил жену и убежал в лес. А так называемая спецоперация на самом деле была стихийным марш-броском. Просто объект поиска внезапно привел ищеек в то самое место, которое не удавалось найти два года.

Изобразив гамлетовскую отстраненность, Лекс опять стал мерить шагами ковер под барельефом.

– На почве этих событий возникла версия, что барон уличил жену в сотрудничестве с советской разведкой. Она-то и выдала место, где скрываются партизаны.

Ладонь в кармане куртки взмокла. Большой палец мусолит кнопку на рукоятке, легкое нажатие – и вырвется острая сталь...

Но как выйти вперед?

Лекс меня узнает. Не хочу давать ему шанс.

Женщины поднимут визг, кто-то сбежит, но обязательно найдутся жаждущие показать, какие они герои. Меня сразу же повалят. Попытка одна. Удар должен быть внезапным.

– Странно, – рассуждает очкарик в свитере. – Не сахар, конечно, узнать, что жена – шпион, тем не менее... Офицера выбить из колеи не так-то просто, все-таки командовал войсками. И не какой-то там вермахт, а эс-эс. Элита! И при этом, судя по вашим словам, тронулся умом на всю катушку...

Лекс помрачнел. То ли сопоставляет факты из темного военного прошлого этих земель, то ему просто не нравится, что ботан начинает умничать, ставит под сомнение его авторитет. Омега бросает вызов альфе на глазах стаи.

– Когда советские войска начали вытеснять немцев, шла массированная бомбардировка, бушевали пожары. Позже лес в тех местах разросся сильнее, а котловины от взрывов сделали рельеф непроходимым. Почти все документы уничтожены. Даже коллекция бесследно исчезла. И где был лагерь партизан, до сих пор загадка. В общем, сведений мало.

Парень с блокнотом ткнул ручкой поверх головы Лекса.

– А откуда этот экспонат?

Я поднял взгляд на барельеф.

И вновь... как в тот раз, дома, когда я посмотрел на статую минотавра, получилось отстраниться. На миг, но все же... Древний мастер был хорош. Черт, и почему краше всего, будь то скульптура, книга или что-то еще, удастся изобра-

жать именно грех?

Уперев ладони в края жилетки, Лекс развернулся к группе спиной. Сердце заколотилось ликующе, я начал проплывать к первому ряду, обтекая плечи других, слово субмарина между черными ежами подводных мин. Успеть, пока не повернулся обратно...

Лекс застыл с поднятой головой напротив барельефа.

– Эта красота всплыла у нас на черном рынке в начале девяностых. Время сами знаете какое, денег на экспедиции не было, а те, что удавалось организовать, результатов не дали. Как не дала результатов и попытка отследить, откуда всплыл барельеф.

– А с чего решили, что он из той самой коллекции? – спросил ботан.

Лекс приподнял руку, пальцы дважды дернулись.

– Подойдите ближе.

Толпа потекла к Лексу плотным полукольцом, и меня понесло с ней, черный волосяной хвост гипнотизирует едва заметным качанием, точно кобра. Повесить бы его за эту вишюльку на какой-нибудь сосне... Но ничего, вполне устроит росчерк лезвия.

– Взгляните сюда. Видите?

Лекс тычет ногтем в угол барельефа, там выгравирован символ. У меня от волнения голова кругом, все как в тумане...

– Клеймо в виде бычьей головы, – объясняет Лекс. – Сим-

вол рода Штирхорн. Такая голова изображена на их фамильном гербе. Члены семьи помечали этим знаком все экспонаты, которые попадали в их коллекцию. Таким своеобразным актом вандализма давали понять, что вещь отныне и навеки принадлежит их роду.

Я совсем близко, за спинами тех, кто в первом ряду, но они жмутся друг к другу, не пролезть. И рюкзак! Рюкзак и чехол мешают, я зажат потными мясными тисками, как в час-пик в автобусе, изнутри лихорадит, на свежий воздух бы...

Едва удерживаясь от того, чтобы всех расталкивать, пробираюсь в узкое пространство между телами слева.

– А что, собственно, изображено на этой картине? – спросил кто-то.

– О, это весьма прорывной эксперимент одной любознательной дамы в области селекции... Вы, наверное, слышали про такое мифическое чудовище, как минотавр.

– Людоед с головой быка, живший в лабиринте.

Пальцы, бывавшие в моей жене, вновь щелкнули.

– Совершенно верно!

У меня внутри словно выбило искру. Креветка сраная, достал уже щелкать! Отрезать бы все десять... А то и одиннадцать...

– Но мало кто знает, как минотавр появился, – продолжает Лекс. – Жена царя Миноса воспылала страстью к быку, и по ее просьбе один талантливый инженер изготовил пустоте-

люю деревянную корову. Забравшись в нее, царица привлекла быка, и... можно догадаться, что было дальше. И кто потом родился.

Публика ожила в обсуждении пикантных деталей античного сюжета. Под шумок я выбрался из основной массы, припнулся к первому ряду с края.

Если Лекс повернет голову влево, увидит меня... Но к нему с другой стороны подскочила симпатичная кудрявая блондинка, наверное, студентка, чем-то похожая на Свету, и они шепчутся.

Я прислонил к стене чехол. Стянул со спины рюкзак, тот опустился на пол. Кулак вылез из кармана не пустой. Сердце колотится возбужденно, подушечка большого пальца массирует взмокшую кнопку на рукоятке, словно клитор.

– Вот это понимаю, культура! – заголосил пьяный бугай в шляпе. – Не то, что щас. Гомосеки, зоофилы, детская порнуха... Куда ни плюнь, одни извращенцы! Далеко нам до высоких древнегреческих нравов.

– Бедный царь, – тихо проговорил кто-то. – Хреново ему, наверно, было, когда узнал...

– Да олень этот царь! – заорал пьяный еще громче. – Надо было рогатого выродка придушить вместе с мамашей, а он ему еще и коттедж отгрохал. И девок ему таскал до конца жизни.

– Замолкни, упырь! – вдруг разродилась беременная. – Чужих детей не бывает! Отец не тот, кто родил, а тот, кто

воспитал. А царь настоящий мужчина, все понял и простил. У царя дел по горло. Ну заскучала женщина без мужского внимания. Она ведь женщина! Поддалась слабости, с кем не бывает...

Погладила пузо, розовый маникюр нырнул в вырез на груди. Обтянутый синтетикой пудинг колыхался, пока будущая мать поправляла чашечку бюстгальтера.

– Верно, козлик?

Пихнула локтем сгорбившегося кавалера, тот пошатнулся, сумка чуть не выпала, он словно вышел из транса.

– Ты права, зайка! Как всегда...

Вытер платком пот со лба, покосился «зайке» на грудь, облизал губы. Взгляд опустился ей на живот, и эти же губы сжались в злую нитку. Чуют, скоро их будут допускать до заветных сосков в сто раз реже, чем этого мелкого в животе...

Зачем я отвлекаюсь? Вот же он. В трех шагах от меня.

Тот, кто заслуживает самого острого внимания. Шепчет что-то кудрявой блондинке прямо на ухо, а та смеется, поправляет локон...

Неужели страшно? Брось, Артур! Терять нечего. Самое дорогое, что было, отнял этот хвостатый ублюдок. А он любит только себя. Забери самое дорогое у него!

Один удар! Ну же...

Женщины с улыбками смотрят на его лицо, фигуру, быть может, на манеру одеваться, но готов спорить, никто, кроме меня, не смотрит с таким вождением на его горло. Как

вампир! Кадык играет, пока его хозяин заливает в ухо блондинке тот же дурман, которым была отравлена Света. Натягиваются мышцы шеи, по артериям бежит кровь...

Я представил, как кровь хлещет тугим фонтаном из разреза на горле, Лекс душит себя обеими клешнями, но кровь сквозь пальцы все равно сочится, бордовые ручки оскверняют белизну рубашки, пачкают стильный жилет. Нелепое падение, ходули в брюках продолжают дрыгаться, размазывать по полу краску...

О да!

Палец нажал кнопку, и в кулаке прозвучал долгожданный импульс. Я коснулся взглядом зеркальной грани клинка.

В воображении визг разбегающихся баб... выпученные глаза Лекса. Непременно сниму капюшон и очки. Пусть видит. Пусть захлебывается, тварь, и помнит, за что! Мат мужчин, меня валят на пол, но все равно вижу в его глазах ужас, он хрипит, лопаются пузыри на губах. Менты, «скорая», ОМОН, тараканья суета...

Шаг вперед.

Наручники, дубинки, пропахший мочой кузов. Тусклая настольная лампа в полицейской форме, кастет в лицо, сапоги по ребрам и животу, хруст костей, во рту горячие леденцы выбитых зубов со вкусом металла, забитая кровавыми соплями носоглотка...

Я вздрогнул от звона сигнализации, нож замер, едва успев

дернуться.

Народ загалдел:

– Это что, ограбление?

– Горим!

Поддавшись панике, я сунул нож в карман, и голова растерянно завертелась, как и другие головы.

Лекс развернулся к группе, руки плавно в стороны, как у дирижера.

– Спокойно, дамы и господа. Учебная пожарная тревога. Прошу прощения, но от комиссий и проверок не спрятаться даже в мифах Древней Греции. Без паники, дружно следуем за мной к выходу.

Он еще в зоне досягаемости, но я уже не смогу. Пальцы поддели ручку чехла и лямку рюкзака, я поспешил затеряться в толпе. Меня штормит как подвыпившего. Чертова сигнализация продолжает выть, и на этот вой ложатся кадры из одуревшей головы: допрос, побои, камера, лысые орки в наколках, меня держат всей хатой, пока главный долбит в зад...

На улице я отделился от группы, и меня спрятала колонна. Прислонившись к ней лбом, пыхчу, как с пробежки. Волосы мокрые, лицо горит, хочется просто лечь на холодные ступени и опустить веки.

Пот заливает глаза, пришлось снять очки, протереть, но свет резанул по глазным нервам, я зажмурился и стиснул зубы. Кисть трясется, ищет в кармане флакончик с каплями...

Окончив процедуру, я вернул очки на переносицу.

На пути к автобусной остановке стараюсь себя убедить, что ничего не было. И продолжаю убеждать в дверях автобуса.

Меня там не было! Автобус подъехал к музею, двери с шипением открылись, подождали, но... я не вышел. Остался сидеть на этом самом месте, которое занял сейчас. Вернее, не сейчас, а когда покинул дом Анжелы. Да, именно так и было! Я не ходил в музей. Я не пытался убить Лекса.

Я не струсил!

Глава 3

Автобус плывет по мосту над железной дорогой. Пальцы мусолят бумажку билета, на коленях чехол, под ногами подрагивает рюкзак. Прислонив голову к стеклу, пытаюсь ее отключить. За окном рельсы, многоэтажки, деревья, вдалеке яркий, как апельсин, ТРЦ.

По тротуару моста навстречу идет человек средних лет, тоже в черных очках, с высоко поднятой головой и жизне-радостной улыбкой. В руке трость, другая сжимает рулетку поводка, на нем бодро пружинит большая лохматая собака.

Автобус промчался мимо этой парочки, и я проводил взглядом.

– Молодой человек, проезд оплатили? – отвлек голос контролерши.

Я повернул голову. Проход загородил типичный представитель расы «тетка». Морщины, свиные бока, мочалка вместо волос, золотые зубы.

– Оплатил, – буркнул я.

Показал скомканную бумажку. Тетка покосилась с подозрением, туша нехотя развернулась и потопала к месту кондуктора. День явно не мой. Обычно меня запоминают с первого раза.

Пытаюсь прогнать плохие мысли образом человека с тростью...

Когда я был студентом-первокурсником, меня накрыла депрессия. Не так представлял учебу и вообще взрослую жизнь, людей, отношения... Не понимал, зачем все это, терпел издевки по поводу альбинизма, стал прогуливать пары, пропадал в компьютерных играх...

И встретился на улице прохожий в больших черных очках, часто стучал тросточкой впереди себя. На поводке вел немецкую овчарку. Энергичный, с прямой спиной, улыбался, попевая за зверем. Я сказал себе тогда, что по сравнению с его проблемами мой детский сад. Но поразило, насколько этот человек полон жизни. С завистью подумалось, что он даже более зрячий, чем я...

Смог бы я так же?

Вопрос не покидал весь день. А вечером посетила идея. Жил я в общежитии, на выходных сокамерники уезжали по домам, и я решил воспользоваться. Задраил окна, заткнул всем, чем можно и нельзя, каждую щель, откуда проникал свет, завязал глаза... и попытался прожить день в кромешной тьме.

Конечно, с моим генетическим дефектом и так вся жизнь в сумерках, но минимальный уровень света все же нужен. А тут – сплошная чернота. Пожизненно! Каково это, жить на ощупь, ориентироваться как летучая мышь? Живут же люди! Целые жизни проживают, заводят семьи...

В общем, попробовал.

Честно говоря, не помню, какие были впечатления и вы-

воды. Самое сложное было – заваривать чай. Наливать кипятка из чайника в кружку. Когда польется через край, я видеть не мог, приходилось держать над водой палец, лить медленно. Жар все ближе, палец хочется убрать, но все равно держишь и льешь по капле, боясь ошпарить, а в конце все равно «С-с-с!» – как змея, которой отдавили хвост, – отдергиваешь, трясешь... И еще помню, что эксперимент пришлось прервать ближе к шести вечера, потому что его чистота была нарушена. Заметил, что под повязку, снизу, в уголках переносицы, все же проникает свет.

Ничего особенного тогда не открыл. Зато было о чем рассказать Свете. Может, из-за этой истории она разглядела во мне, неудачнике, нечто, во что можно было влюбиться?

На остановке вошли трое в солдатской форме. Первая мысль: за мной. Но заставляю себя думать, что это уж слишком. Я не дочку генерала завалил, чтоб из-за меня подняли военные части. Ребята в увольнении, только и всего...

– Ну что, Костян, ты к своей?

– Ага. Пацаны, одолжите по сотке на букет...

– Костян, ты сам подарок! А будет выделываться, кулак ей в зубы.

– Не, не могу. Она капризная, без букета никак, а я уже третий месяц без этого дела... Пацаны, выручите!

– Ладно, держи... Вовчик, а ты чего хмурый весь день? Колись!

– Моя написала, замуж выходит... Не дождалась.

Они заняли поручни на центральной площадке, тетка собрала урожай монет, всучила билеты, а я стараюсь вести себя естественно.

Нож теперь в другом кармане, клинок вернулся-таки в рукоятку. Однако там, откуда я его убрал, возникла дырка. Я вывернул карман и, сунув в прореху пальцы, гляжу на нее, такую же нелепую, как вылазка в музей, которой лучше бы не было...

Одно я понял точно. В тюрьму не хочу.

Лучше лишиться жизни, чем свободы. Да ведь я всегда знал! Даже в работе отдавал предпочтение фрилансу. Не терплю, когда моей жизнью распоряжается другой, когда вынужден работать с теми, кого бы с радостью столкнул в выгребную яму. Скульптуры спасали меня от подобной участи. Но сейчас, увы, не помогут. Кровь не глина, смыть с рук не получится.

Света...

Думаю о ней, и хочется поверить, что последние события – бред помутившегося рассудка. За окном автобуса город живет обычной жизнью. Наверное, и у нас дома все как обычно. Надо вернуться. Света уже волнуется, куда я пропал, ужин стынет.

Я набрал ее номер.

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети...»

Дышу в трубку...

– Я люблю тебя, солнышко.

Сброс.

Автобус проезжает мимо парка, такого густого, что меж деревьев застыл сумрак.

Глядя на мрачных зеленых гигантов, я вспомнил, что предлагал Свете сходить в поход. На природу, где тишина и только мы вдвоем. Был уверен, в глуши, без соцсетей, она отвлечется от уroda, который заморочил ей голову, и удастся ее образумить.

Вот только убеждать пришлось через переписку во «ВКонтакте». Света сутками где-то пропадала. Я уговаривал как мог, даже писал, что сперва съезжу сам и выберу место. Но она ответила уклончиво.

А теперь сижу, ловя на себе косые взгляды, и думаю, что в городе меня найдут. Рано или поздно. С такой-то внешностью... И сбудется тюремный кошмар.

Какой-то парень в бейсболке всю дорогу поглядывает на меня. Едва удерживаюсь от желания осмотреть свою одежду, вдруг остались пятна крови. Хотя не должны были, я же тщательно проверил перед зеркалом, когда покидал дом. Чего же он, гад, пялится? Ну вот, опять!..

На меня по жизни смотрят как на диковинку. Белые волосы, бледная кожа, жемчужины в глазах... Призрак, не иначе! И жил как призрак – в темноте. Теперь придется еще и скрываться, а то нагрянут охотники за привидениями. Сейчас любое внимание к моей персоне бесит вдвойне!

Я посмотрел на парня в бейсболке с нескрываемой враждебностью, и он таки отвернулся, даже вроде как смутившись.

А вдруг полиция уже нашла труп? Вдруг мое лицо уже мелькает по новостям? Парень уткнулся в смартфон. Старательно не смотрит в мою сторону. Может, прочитал свежие криминальные новости, опознал мою рожу... Да и солдаты уже косятся в мою сторону.

Паника выбросила меня из автобуса на одну остановку раньше, чуть рюкзак с чехлом не забыл. Зашагал в направлении ТРЦ. Когда автобус проехал мимо, обдав ветерком, я оглянулся на остановку, и сердце будто упало в прорубь с ледяной водой.

Парень в бейсболке идет следом!

Я медленно вернул взгляд вперед, шаги тоже замедлились, но я не остановился, иду. Спокойно... Может, он и собирался выйти именно здесь? Да, он просто вышел, идет по своим делам. Не за мной.

Я еще раз украдкой обернулся, сделав вид, что просто оглядываю местность. Парень шагает, вперившись в телефон. Ладно, отбой тревоги, полный вперед. И все-таки зачем он пялился на меня в автобусе?..

О нет!

Я чуть не затормозил, внутри будто глухой взрыв, молекулы адреналина взорвались тысячью гранат на колючие осколки.

Вдалеке навстречу идут двое патрульных! Расслабленно, как хозяйева, о чем-то говорят, жестикулируют...

Это западня! Парень сзади – ментовской хвост, а эти двое только притворяются, что просто патрулируют, на самом деле – ждали меня. Там, у ТРЦ. А раз я вышел чуть раньше, они потопали навстречу. Хотят взять в клещи.

Черт! Черт! Черт!!!

Только не в тюрьму... Брошусь под машину. Сейчас. Лишь бы сразу все погасло, не хочу захлебываться кровью и терпеть боль. Не хочу очнуться в реанимации. Надо под самую быструю и тяжелую машину. Да где же они все, как назло? Почему ползут как тараканы?!

Проулок!

Слева проулок, единственный, где можно скрыться. Бежать! Нет, стоп!.. Иначе побегут следом и догонят. Просто сверни и дойди спокойно, пока они не просекли, что ты их спалил. Сверни за угол, а потом уже можно и бегом...

Уже слышу их голоса.

– Придушил бы, чесс слово...

– В опеку обращался?

– Без толку. Я им разжевывал, мол, бывшая не дает видеть ребенка, а по суду имею право. Даже грозил связями в прокуратуре, если меры не примут...

– И?

– Меня послали. Прикинь! Там одни бабы, такие же разведенки, им вообще на все по...

– Женская солидарность. Когда бабы сбиваются в стаю, это стена. Танк не проедет!

– И не говори.

Патрульные прошли мимо.

– Сына видел давно?

– Месяц назад. Он жаловался, что мама деньги получила – и в бутик, вернулась с кучей сумок. Там бабские шмотки, духи, цацки всякие... А Витьке – шоколадку! Тварь! Алименты плачу на сына, а эта шлюха тратит на себя и своего пихоря...

Не до конца веря, что еще свободен, иду, стараясь не сбиваться с ритма, хотя ноги дрожат. Подбородок держу поднятым. Хочется оглянуться, но нельзя, ни в коем случае! Футболка под курткой мокрая.

Голоса удаляются.

Только на подходе к ТРЦ я позволил себе глянуть через плечо. Патрульных и след простыл, а вот парень в кепке по-прежнему топает за мной. Так же уткнувшись в «андроид». Однако после минувшего ужаса в роли стражей порядка это не кажется такой уж проблемой. Мало ли, может, гей, влюбился с первого взгляда...

Я наконец-то отвлекся и сосредоточился делах.

В банкомате выжал досуха карту Светы. Ее ноут выкупили в сервисном центре, правда, пришлось проторчать, пока там оценивали стоимость. Чехол оставил себе, под мой комп. В ломбардах заложил половину Светиных побрякушек – про-

чие оказалась копеечной бижутерией. Ну и плюс наличка из ее кошелька да остатки моего последнего заказа.

Далее черед магaziнов. Походное снаряжение: топорик, котелок, спальный мешок, дождевик и прочее... Пришлось потрудиться, чтобы укомплектовать все в рюкзак, а что не влезло – приторочить снаружи. В аптеке приобрел средства против клещей и комаров, крем от солнца, глазные капли, чемоданчик первой помощи. Универсам снабдил консервами, дошиками, другой пищей долгого хранения, а также питьем, гигиеной, спичками и зажигалками.

Приделся в охотничьем. Энцефалитка, жилетка, берцы. Мелкое барахло переключало в карманы. В берцах опора под ногами стала тверже. Не обувь, а копыта. В таких и по болоту, и по горящим углям, прошибут стену с полпинка.

На улице купил запасные черные очки.

Следующий пункт – автовокзал.

Пока автобус везет, роюсь в Гугле и сравниваю его данные со страницами карманного атласа... Шесть пропущенных От Анжелы. Хорошо, что звонок на беззвучном.

В фойе вокзала под строгим надзором охраны пришлось положить рюкзак на язык конвейера, страшный агрегат тут же заглох подношение, а сам я прошел через рамку металлоискателя, та, конечно же, взвизгнула. Сейчас мужики с дубинками преградят путь, отведут в комнату, покажут на мониторе силуэт топора в рентгеновских цветах и задержат до выяснения – мало ли, вдруг я этим топором старушку по че-

репу... Ух, да у тебя еще и нож, парень! Точно наш клиент. Руки за спину! Щелк!

Жуткая машина вернула мне рюкзак, но никто не попытался помешать его надеть, не окликнул, когда я пошел к кассам.

Взяв билет, уселся в зале ожидания, на самом краю – подалее от церберов на входе, спиной к ним. Подождал минут пять, пока градус паранойи малость снизится, а затем отправился на второй этаж – в пиццерию. Автобус только через час. А я вдруг понял, что это моя последняя возможность поесть по-человечески – не консервы, не полуфабрикаты, а горячую сочную выпечку, как дома.

Я купил три куска пиццы и большой стакан капучино. Устроился за столиком и спешу спрятать все это в себе, пока над пиццей и кофе еще струится пар, напоминая о домашней пище...

Дом... Света... Больше никогда не увижу, как она готовит ужин...

Нет. Не сейчас. Еще будет время повыть, какой же я идиот, но только если побег удастся.

Я вернулся на первый этаж и вышел к платформам. До автобуса еще двадцать минут, но все равно как магнитом тянет сюда, на свежий воздух с примесью бензина, напоминает о дальней дороге. Брожу среди голубей, которых тьма, вдоль скамеек с такими же, как я, ждущими, но позади них, не мельтешить перед кучей глаз. По платформам слоняются

двое из полиции, такого, как я, сразу заметят – белый, под капюшоном, глаза прячет в очках, наверняка убил кого-нибудь. Но даже это не может пересилить мое желание смотреть, как люди всасываются в автобусы и валят из города. С завистью предвкушаю то же самое с участием себя любимого.

И вдруг я увидел в толпе парня в бейсболке. Того самого! Снова пялится в смартфон, делая вид, что света белого не видит. Вот только теперь не успел вовремя отвести зрачок камеры...

Этот гад снимал! Меня!

Ну все! Волна злости перехватила дыхание, я даже очки сдернул, плевать на резь в глазах. Меня понесло к этому режиссеру.

Его глаза при виде надвигающегося меня стали больше, забегали, он огляделся украдкой, то ли ищет выход, то ли все еще пытается делать вид, что ни при чем. Затем словно приготовился бежать, но передумал.

Оказавшись близко, я замедлил шаг, не привлечь бы тех двоих, что следят за порядком, хотя страсть как хотелось разбежаться – и с локтя! А потом забить смартфон ему в глотку!

– Ты кто такой, урод?!

Пришлось еще и голос сделать тише. Хочется оглядеться (не смотрят ли на нас?), но нельзя, потеряю вес в глазах этого Спилберга, а я чувствую, что сойду с ума, если не узнаю, какого черта...

Парень явно застигнут врасплох.

– Я не...

– Слышь, ты! Думаешь, я тебя не спалил в автобусе? Ты еще на другом конце города прилип... Какого хрена меня снимаешь?!

– Да не снимал я...

Я шагнул и приблизился почти вплотную, тот попятился, но робко, словно уперся в невидимую стену. Он выше ростом, но, кажется, боится меня куда больше, чем я его. Это хорошо.

– Говори, сука!

– Успокой... тесь! Это просто... квест.

– Че?!

– Квест. Ну... игра такая. Задание. Мне его дают, я выполняю. Если выполняю – прохожу дальше, если нет – вылетаю. Знаете? Это сейчас модно...

Вглядываюсь в его рожу. Неужели, не врет? Застыл, подрагивает, в глазах отчаянное желание исчезнуть, как из кабинета стоматолога.

Если все-таки подослан ментами, то очень уж плохой конспиратор. И мышц меньше, чем на мне. К тому же, оперативники оканчивают не театральный институт, но играть страх так убедительно... разве что талант.

– И что за квест?

Парень просиял от облегчения.

– Я должен проследить как можно дольше за любым про-

хожим, на которого укажет гейм-мастер. А в качестве доказательства должен записывать объект слежки на камеру. Когда мы стояли на остановке, мастер ткнул пальцем в вас. И я прыгнул в автобус вслед за вами.

– И в чем смысл?

– Чем дольше вы в кадре, тем больше очков я заработаю. А нас таких, игроков, несколько, они тоже за кем-то следят. Мне сказали, заснявшие наибольшее число секунд с объектом в кадре пройдут на следующий этап.

Перевариваю... О квестах слышал. Забава из компьютерных игр прочно укоренилась в ряду современных развлечений. Никогда не участвовал, хотя Света мечтала попробовать. Я не возражал, но и не настаивал. У меня на семью взгляды традиционные. Я бы совсем не обрадовался, если бы мастеру взбрело в голову дать жене квест, скажем, раздеться до нижнего белья или поцеловать в засос первого встречного.

Я упер ладони в бока, медленный, но злой вдох-выдох, мол, ну ладно, будем считать, что поверил... И ткнул подбородком в смартфон.

– Показывай.

– Ш-што?

– Кино свое, оператор сраный!

И он показал. Кажется, я поторопился с выводом. Конспиратор не так уж плох. На видео я запечатлен везде! В автобусе, в торговом центре, ну и здесь – на вокзале. Даже в пиццерии! Правда, туда он войти не решился. Не входил и

в магазины. Либо снимал через стекло, либо дожидался на входе, прячась где-нибудь. Зато в коридорах ТРЦ и на улице я был заснят от души!

Вот дерьмо! Сбежать, понимаете ли, пытаюсь, следы запутываю, а у него на телефоне – подробнейший маршрут моих перемещений! Подарок для следствия! Еще бантиком перевязать...

– Стирай.

Парень замешкался.

– Э-э-э...

– Удаляй, говорю! Все до пикселя.

– Я не могу...

– Че-е-е?!

– Мне нужны эти видео, иначе квест провалю! Пожалуйста... Я потом удалю, честно!

Он снова попытался, на сей раз никакой невидимой стены за ним нет, и впрямь собирается улизнуть. У меня глаза слезятся, щурюсь, наверное, потерял грозный вид, хочется вернуть очки на переносицу.

Но вместо этого я указал на парочку полицейских, те в очередной раз прошли мимо, сейчас они к нам спиной.

– Видишь ребят? Позову их и скажу, что меня преследует маньяк. И они поверят. Знаешь, почему? У тебя в телефоне целый сериал о том, как ты пасешь меня через весь город.

Парень замер. Лицо как у приговоренного к смерти. Нужно добивать.

– И будешь впаривать уже им, что у тебя, видите ли, квест. Они мужики простые, поди-ка, и слова такого не слышали. А вот с маньяками по долгу службы иметь дело наверняка приходилось. И чему, думаешь, поверят – что ты маньяк или что у тебя квест? И будешь сидеть в клетке с пьяными бомжами, пока разберутся, что ты за птица.

В финале я повернулся к удаляющимся «простым мужикам» и поднял руку, открыв рот, якобы с намерением окликнуть.

Парень дернулся.

– Не надо!

Сколько ужаса в этом шепоте! Я замер и посмотрел на него. Парень выставил вперед ладонь со скрюченными пальцами, они дрожат как травинки на ветру.

– Не надо... – взмолился тихо, как мышь. – Я сотру! Хорошо...

Пока он судорожно тычет в экран смартфона, стою сбоку и контролирую. Его колбасит, даже кепку чуть не уронил вместе с гаджетом. Подумать только – я убил жену, мне реально грозит тюрьма, а времени на побег совсем чуть-чуть, хожу по краю пропасти, от мента к менту, и страшно до одури, но все-таки действую. А рядом парень, ничего серьезного не совершил, но его трясет, словно педофила, попавшего в камеру к татуированным гориллам. И гуляющих рядом полицейских он боится сильнее, чем я. Какой я, оказывается, крутой...

Парень наконец выбрал из списка все видео, причастные ко мне, и палец завис над кнопкой «Удалить», я мягко перехватил запястье.

– Стой.

Он вздрогнул, посмотрел на меня. Палец замер над экраном.

Я покачал головой.

– Не нужно.

Отпустил его запястье, приосанился, наконец-то – о счастье! – надел очки, сложил руки за спиной.

– Ты прошел испытание. Поздравляю.

– И... исп-пытание?

Его кадык медленно подпрыгнул. Я кивнул.

– Испытание на смелость и находчивость в экстренной ситуации, ты справился. И проходишь на следующий уровень.

Парень, еще не веря до конца, улыбнулся.

– Серьезно? Так вы...

– Разумеется. Ты что, в самом деле думал, что я случайный прохожий? Не-е-е, дружище, мы фирма серьезная, тут все по сценарию.

«Объявляется посадка на...»

Я встрепенулся. Мой автобус!

– Теперь слушай следующий квест. Для начала – вынь батарею из телефона.

Пока парень разбирал устройство, моя кисть нашарила в жилетке и вытащила брелок с ключами.

Я отобрал батарею.

– До конца квеста – никаких контактов с внешним миром. Не волнуйся, тебе вернут. А теперь отправляйся по адресу...

Я назвал адрес квартиры, где лежит женский труп в луже крови, и положил на ладонь растерянного парня ключи.

– Когда войдешь, тут же иди на кухню, она слева. Ни в коем случае не заходи и не заглядывай в другие помещения – только кухня. Пей чай, если хочешь. Можешь есть из холодильника. Но дальше кухни – ни ногой! Из квартиры тоже. Только в туалет. Иначе тебе засчитают провал, там скрытая камера все видит. Сиди на кухне и жди. Ждать придется долго. Очень долго. Может, всю ночь. Может, сутки... или еще дольше. Это испытание на терпение. Однажды к тебе придут и скажут, что дальше. Все ясно? Повтори.

Парень, заикаясь, проговорил адрес.

– Ждать на кухне. В квартиру не заглядывать, из квартиры не выходить. Ко мне придут.

– Молодец! А видео оставь – пригодятся для прохождения.

Я хлопнул ошарашенного игрока по плечу.

– Удачной игры!

– С-спасибо.

Парень держит перед собой смартфон и ключи от квартиры нелепо, как попрошайка, которому вместо привычных монеток вложили слиток золота! Дрожит, улыбается, словно не веря удаче.

Я ответил улыбкой. Кивнул, развернулся и пошел к автобусу. Людская макаронина почти всосалась в салон, остался хвостик, к нему я и пристыковался.

Сдав рюкзак в багаж и сев у окна, я успел увидеть через просвет шторки, как бейсболка исчезает в дверях вокзала, уткнувшись козырьком в квестовые предметы. Мои пальцы постукивают кончиками друг о друга, словно лапки паука, плетущего сеть...

Они вскроют переписку со Светой. Найдут фрагмент, где я уговариваю поехать в лес, обещаю выбрать место. Никакой это не побег, просто еду выбирать, как и обещал. Но пока покупал снаряжение, Свету зарезала Ангела, спрятала улики у себя дома, под ванной, а подельника отправила разобраться со мной.

Мог он меня пришить и закопать в лесу? Вполне. А в квартиру Светы поехал избавляться от трупа, по приказу заказчицы.

Кондукторша напомнила пассажирам пристегнуть ремни, пожелала счастливого пути и вышла. Заурчал мотор.

Двери прошипели, и автобус наконец тронулся.

Глава 4

Прожить в лесу три недели, чтобы в итоге умереть от жажды на дереве. Бывают смерти глупее, но эта наверняка попадет в топ самых идиотских.

А как неплохо начиналось...

Автобус высадил на обочине трассы через пару с хвостом часов после выезда из города. Там деревенька, с трех сторон в тисках леса, а с четвертой уперта в реку асфальта, по которой автобус помчался дальше.

Я спустился в кювет, в траву по пояс, и дошел до одинокой ивовой рощицы, взрослое дерево и много кустиков вокруг. Присел под старшей ивой, и частокол травы меня скрыл.

Первым делом напоил глаза каплями. Боль и жжение слегка отпустили. Поморгав, я надел черные стекла.

В прозрачную сумку из толстого полиэтилена завернул свой ноутбук в Светином чехле, телефон (вынув батарею), документы, кошелек Светы, в котором паспорт, банковская карта и всякое такое. Выкопал ямку, где все это и схоронил. В лесу не нужно, а выкинуть или продать жалко. Осколочек прошлого... Будто надеюсь, что пригодится.

Присыпав могилку прежней жизни веточками и старой листвой, какое-то время медитировал. Слушал тишину и осознавал, что все. Мосты сожжены. Здесь другой мир, с другими законами. Но лучше здесь, чем в тюрьме. Какая-ника-

кая свобода. Даже больше, чем социуме. Тарзан из меня, конечно, никакущий, но попытаться надо. Природа хотя бы дает шанс, и будь что будет...

Я переоделся. Вскоре походный шмот провонял спреем от клещей и комаров, меня вывернул кашель. Пришлось отойти от дерева, продышаться. После чего намазал лицо и руки солнцезащитным кремом, собрал все в рюкзак.

Когда вышел из рожицы в сторону лесной стены, заметил, что позади по обочине трассы идут два мужика с удочками. Разглядеть лица было нельзя, что хорошо: значит, мое лицо тоже вряд ли увидели. Но все-таки в мою сторону головы повернули. По-прежнему шли к деревне, но взгляды долго удерживались на мне...

А потом меня заглотил лес.

Поначалу самое трудное было – первая ночь. В темноте жуткие звуки, кажется, что вся местная нечисть в виде хищников и беглых зеков собралась по мою душу. Но стоит раз переночевать где бы то ни было, и место становится почти своим. Это правило работает, начиная еще с переезда из дома родителей в студенческую общагу.

Также непросто было привыкнуть к чувству жажды и голода. Именно к чувству. Запасы еды и воды были в норме, но пить и есть хотелось всегда. Тело, дитя древней природы, шкурой чувствует, что оно вне стен родной пещеры, а значит, нужно срочно вылакать и сожрать все, до чего дотянутся руки, мало ли, через минуту уже не будет, враги отберут или

потеряешь. А ну быстро впихнул все в себя!..

Но я привык. Даже комары перестали быть чем-то назойливым. Будто там, на границе леса, дежурят боевые комары-пограничники, а здесь гражданское население.

Однако чем дальше в лес я уходил, тем более жгучим для меня становился свет. Я обходил стороной открытые полянки, старался держаться в тени деревьев, но и там сквозные лучики то и дело заставляли морщиться. А ведь когда-то под таким солнцем я мог гулять по городу... Теперь же, несмотря на то что я не пожалел денег на капли, флакончики пустели с устрашающей скоростью.

Но самым суровым испытанием стало не это. Куда более колючей оказалась... память. Чем глубже я погружаюсь в лабиринт деревьев, тем сильнее мучает эта опухоль. То и дело лезут в голову сцены из жизни со Светой.

«Солнце, а что у нас на завтрак?»

«Хороший вопрос, милый... Думаю, следует задать его холодильнику».

«И что говорит холодильник?»

«Хранит ледяное молчание».

«А он хранит что-нибудь более питательное?»

«Вряд ли ты захочешь употребить это прямо сейчас, родной... Вот если это все смешать в кастрюльке и постоять у плиты... час-другой...»

«По-моему, проще спуститься в магазин за пищей».

«На ком ты женился!»

«Ну, ты же знаешь, при свете дня слепой как крот, не разглядел малость. А когда протер глаза, было уже поздно, на пальце откуда-то взялось кольцо».

«Бедный ты, бедный. А вот не фиг было вчера мне эту игру показывать. До сих пор пальцы от клави болят. А у меня вчера, если помнишь, были наполеоновские планы по приготовлению плова».

«В мультиварке».

«Все равно! Мясо и овощи сами себя не порежут и в мультиварку не прыгнут, между прочим. А ты тут со своей игрой, файерболом тебе в дышло!»

«Ну да, опять я виноват!»

«Конечно! Что ж, завтрака нет, будешь вместо него. Раздевайся и ложись на стол!»

«Ого! Знаешь, солнце, я вообще-то тоже голоден...»

Вспышки памяти ловили меня, когда я натыкался на свет глазами без очков или когда лучей попадало на кожу слишком много. Воспоминания причиняли такую боль, приходилось нырять в тень, сползать по ребристой коре дерева на землю и ждать, когда отпустит.

Иногда на привалах и ночлегах охватывал страх, что начинаю забывать черты ее лица, и пальцы спешно разгребали под ногами сухую листву, я смачивал почву водой и лепил портрет. А затем долго разглядывал земляной барельеф... Разговаривал с ним, теребя на шее амулет.

Да, я ведь сделал амулет. Еще там, в городе, когда сидел

в сервисном центре. Пока парни возились с ноутом Светы, я устроился в кресле со своим и скинул на новую флешку все-все наши с ней фотки, всю нашу музыку, видео, где вместе дурачимся, ее школьные стихи... В общем, все. Потом купил цепочку и брелок в виде бычьей головы. На его кольцо прицепил обручальное Светы, рука не поднялась продать, ну и эту флешку.

Понятия не имею, что делать с ней в лесу. Но бороться с иррациональным порывом было невозможно. Хочется, чтобы цифровая душа Светы всегда была рядом.

Однажды проснулся со слезами. Снилось, что Света жива, вместо того чтобы ударить ножом, я уговорил ее сорваться в путешествие, мы в тот же день взяли билеты на поезд и умчались подальше от всех этих Лексов и прочей суеты. Я целовал ее под стук колес, и в этом поцелуе столько горечи и сладости, так не хотелось просыпаться...

Прошло три недели, и вот я сижу на дереве.

Яркие лучики солнца, пробиваясь сквозь листья, жгут кожу как лазеры. Спина вжата в ствол, между ног толстый сук, левая рука держится за сучок поменьше. Удовольствие то еще, все затекает, ребра коры больно давят сквозь одежду, а высота внушает, что шелохнешься – свалишься. А падать не хочется.

Особенно когда под деревом дежурит волк.

В пути я придерживался стратегии. Идти, сверяясь с компасом и картой, в самую глухую глушь, где на сотни квад-

ратных километров ни единой живой души. Поход, привал, поход, ночлег... И не важно, сколько проходить за раз, но если идти каждый день и каждую ночь (ночью даже лучше – можно без очков, а ночи тут, как оказалось, довольно светлые), рано или поздно углубишься в таежные джунгли, куда не ступала нога человека. Разве что снежного.

И я добился-таки своего. Забрел в глушь. Конечно, предполагал, что глушь – это не только отсутствие потенциально опасных людей, но и наличие не менее опасного дикого зверья... Что ж, молодец, верно предполагал. Полегчало?

Мое верное предположение, тем временем, лежит прямо подо мной и вылизывает переднюю лапу.

– Эй, Шарик... Долго будешь караулить? Я не спущусь, не надейся.

Серый прародитель всех Шариков, Бобиков и Тузиков перестал лизать, задрал голову вверх. Глядит спокойно. Наконец, морда опустилась, челюсти выпустили язык, волк шумно попыхтел, и голова улеглась на лапы.

– Даже так?

Держась левой рукой за сук, правой я достал из жилетки фляжку с водой. Зубами открутил крышку и сделал пару жадных глотков. Немного подумав, сделал третий. Вообще-то надо экономить – куковать на ветке еще ой как долго! Но, как назло, именно сейчас, в этой заднице, пить хочется как никогда.

Рюкзак валяется метрах в десяти от дерева, рядом с глу-

боким узким оврагом, заросшим травой.

А мне остается только ждать. Ждать, когда волку надоест ждать. Когда он захочет пить и уйдет искать ручей. Только бы не пошел дождь... У меня преимущество – фляжка с водой. Но дикий зверь приучен терпеть жажду. А вот я могу поменять мнение о дожде довольно скоро.

Испытание на терпение. Три недели назад отправил ни в чем не повинного парня ждать, когда его повяжут за убийство. Ждать сутками, если придется! А теперь сам попал в похожий квест.

И уже задолбался. А времени прошло всего ничего. Полчаса? Час? Причем не с момента, когда залез на дерево, а с той роковой секунды, когда впервые заметил волка далеко в зарослях папоротника. Я сразу понял, что волк, но самое жуткое, поведением он не отличался от собаки. Ну рыскает такая мохнатая зверушка, нюхает все, хвостиком повиливает, как на выгуле в городском парке, ищет, где бы сделать кучку...

Вот только когда зверушка заметила меня – окаменела. Как и я. Мы играли в гляделки вечность.

«Не бежать, не бежать», – повторял я в мыслях.

Медленно пятился, натываясь рюкзаком на деревья, и при этом не отводил взгляд от двух черных точек, глядевших на меня. Пока, наконец, фигура волка не скрылась за стволами.

Лишь тогда я позволил себе развернуться и пойти прочь в нормальном темпе. Очень хотелось побежать, но я сдержи-

вался. Правда, то и дело оглядывался. В руках был посох, когда-то бывший стволом юного деревца, им я обычно тыкал траву впереди, проверяя, нет ли змей, капканов и прочих подлостей. Но когда уходил от волка, спешил, и посох только мешал, цеплялся за все.

А позже меня догнал хлесткий шелест папоротника, пыхтение и рык.

Адреналиновая бомба рванула, я мгновенно понял, что сейчас произойдет, выпустил посох, сбросил со спины рюкзак и дал деру к дереву впереди. Десять метров показались вечностью. А как залез, вообще не помню. Тут и подошву-то упереть некуда.

Едва оседлал сук, а милая мохнатая зверушка уже всю драла когтями кору дерева, щепки летели в стороны, лай бил по ушам, а в лицо и стекла очков прилетало теплое вонючее дыхание вместе с брызгами слюны. Черные губы вздыбились, оскал челюстей поражал белизной, костяная стена истекала пеной, на меня зырили уже не черные бусинки, а налитые кровью и яростью глазищи...

А сейчас это снова обычная дворовая псина – мирная, сонная, только будки рядом не хватает. Интересно, этот товарищ наткнулся на меня случайно или почуял мой след уже давно?

Размышления прервал хруст веток вдалеке. Я насторожился, вглядываюсь в траву за стеной деревьев. Показалось?... Нет, опять хруст! Трава шелестит.

Далеко за стволами мелькнуло серое.

– О нет...

Мелькнуло снова, но чуть ближе. И не в одном месте. Я насчитал три.

Стая!

Сердце застучало бешено. Волки приближаются без спешки, нюхая землю, оглядываясь, как хозяева леса.

Это конец! Без вариантов! Одного серого еще был шанс переиграть, но четверых... Умру на дереве от жажды. Или свалюсь, и меня порвут. В любом случае – смерть будет долгой и мучительной.

Волк подо мной приподнял голову, уши наострились, он вглядывается в ту сторону, откуда приближается его племя...

Идея.

Безумная! Но это единственный шанс, надо сейчас, иначе момент будет упущен.

Я перекинул ногу через сук, уселся как на скамейке, левая рука по-прежнему держится за дерево, а правая достала из кармана нож. Я нажал на рукоятке кнопку.

Щелк!

Лезвие выскочило. Волк подо мной задрал голову, уставился на меня. Кулак перехватил рукоятку так, что лезвие направлено вниз. Меня трясет, а волк все смотрит на меня. Нет, нет, опусти голову! Пожалуйста... Опусти!

Впереди кто-то тьякнул. Это отвлекло моего сторожа,

морда вновь уставилась туда, откуда идут его братья и сестры.

Я поцеловал обручальное кольцо на шее.

– Солнце, помоги...

Спрыгнул на волка. Подо мной тут же забились буря мышц, но я успел левой рукой обхватить волка за горло, оплести его тушу ногами как обезьяна, а правая с ножом начала истерично и слепо наносить удары.

Подо мной извивается, меня подбрасывает, бьет о землю, о дерево, рычание и лай смешались в такую дичь, будто я свалился в ад, к демонам. С глаз слетели очки, я окончательно ослеп, как и мой гнев. Тоже рычу. Нож колет и колет. На, сволочь! На! За Свету! Я любил ее! Жизнь хотел с ней прожить, а ты, мразь, ей голову запудрил! Ради забавы! Сдохни, тварь! Сдохни!..

Не помню, в какой момент осознал, что волк уже не сопротивляется, я весь в крови, а вокруг рычат и лают такие же мохнатые, клыкастые. Я в кипящем котле звуков, рычу в ответ, размахивая ножом, словно пытаюсь сказать на их языке:

«Я убил такого, как вы! Я опасен! Прочь!»

Меня взяли в кольцо. Держусь спиной к дереву, понимая, что оно – щит моего тыла, оттуда не зайдут. Волки гавкают, сверкают капканами челюстей и мясом языков, порываются ко мне, но не нападают, рыскают вокруг.

Кисть нашарила на земле увесистую корягу, и с этой дубиной и ножом я начал отступать за дерево.

Голодные машины смерти стали преследовать, но две из них, прошедшие близко от туши мертвого сородича, засомневались, а затем вернулись к трупу и начали пиршество, теперь уже рычали и кидались друг на друга. Третий, самый крупный, со шрамом на морде, оглядывается то на пирующих, то на меня, возбужденно кружит на месте, я продолжаю пятиться и угрожать.

Наконец, отстал и он, а я смог отойти далеко за деревья. Отсюда волков почти не видно, зато их звериная ругань и чавканье гуляют эхом по всему лесу.

Адреналин начал отпускать, и в левую руку хлынула жгучая боль. Кулак против воли разжался, палка исчезла в траве.

Я сел, воткнул нож в землю и, щурясь, осмотрел предплечье. Рукав энцефалитки пропитан темным, а еще на нем разрез. Я закатал.

– Чщщерт!

Похоже, когда бил волка ножом, лезвие задело руку, ей приходилось держать зверя за шею. Предплечье красное, бордовая гусеница пореза продолжает сочиться.

Здоровая лапа начала судорожно хлопать по жилетке. Наконец, я вспомнил, расстегнул нужный карман, вытащил упаковку с бинтом. Закусил ее как собака косточку, затем достал и открыл фляжку. На вдохе задержал дыхание, и на рану полилась вода. Глухое нытье вздуло щеки, пыхчу как лось, насквозь мокрый...

Выплюнул пачку бинтов, несколько жадных глотков из

фляжки. Потряс ею, внутри плескались жалкие остатки.

Я помусолил язык во рту, наполняя слюной, а затем, морщась и подрагивая от боли, начал лизать порез. Не даром же пошло выражение «зализывать раны».

Гадкий вкус теплого металла...

Далее зубы порвали пачку бинтов, и я намотал толстый белый кокон. Кое-как сделав что-то похожее на узел, осмотрел повязку. По сухой белой ткани расплзается красное, и это пугает, кажется, что сейчас промокнет все до последней ниточки, потечет через край, но пятно все же остановилось, края повязки остаются белыми.

Фух!

Если выживу, устрою себе пир. Двойной паек. И плевать, что запасы надо экономить. После такого заслужил. Кроме того, нужно восстанавливать потерянную кровь...

И тут до меня дошло.

– Твою мать!

Рюкзак.

Не могу уйти без рюкзака. Иначе не то что пир не устрою, но даже ночь не переживу. А рюкзак там, где сейчас эти трое рвут на клочья четвертого. До сих пор слышу грызню, хотя та уже ленивая. Наедаются. Может, и меня теперь не тронут?

Хорошо, что хватило ума сунуть в жилетку запасные очки. Первые я, кажется, раздавил, когда дрался.

Спрятав глаза во тьме стекол, я вернул бинты и фляжку в жилетку, раскатал рукав. Нож вернулся в правую руку. Левая

попыталась поднять дубину, но внутри обожгло. Гребаное все! Придется волочить.

Я обошел стаю по широкой дуге, осторожно приближаюсь.

Вижу овраг... Вон посох торчит из-за дерева. А вот и рюкзак! В десятке метров от меня волки терзают добычу... Стоп. А почему их двое?

За спиной рыкнуло!

Меня как током шарахнуло, я прыгнул к рюкзаку и одновременно повернулся боком туда, откуда пришло рычание. Волчара, самый крупный, скалитесь на меня. А я не сразу сообразил, что между ним и мной зависла в воздухе коряга, которую до этого я мог лишь волочить. Воистину, страх чудеса творит!

С другого бока один из двух отвлекся от поедания мяса, рысцой подбежал ко мне, но не ближе, чем может достать стальной клюв ножа.

Оглядываюсь на два фронта, помахиваю то ножом, то палкой, иногда рычу, волки тоже огрызаются, но уже не так агрессивно. Сытые. А значит – более осторожные. Теперь я уже не добыча, а просто чужак на их территории.

Присел, быстро поменял дубину на посох, он легче и длиннее, удобно тыкать. Тем временем, подоспел третий волк – встал напротив меня. Мохнатое кольцо начало потихоньку сжиматься. Черт, так я не уйду, даже рюкзак надеть не дадут! А если даже надену, с грузом буду как черепаха,

меня быстро опрокинут.

Кулак с ножом разогнул два пальца, зацепил ручку рюкзака, и я попятился, держа перед собой посох, в овраг.

Тут все в траве по пояс, земли не видно, а спуск крутой. Рюкзак скатился по склону на дно, как бы не повторить его судьбу, переломаю кости, к чертовой бабушке... Спускаюсь боком, широко расставив ноги.

Овраг глубокий и узкий, словно бог вонзил сюда гигантский топор. Стены давят холодом, проход только на одного. Зато с боков никто не зайдет. Буду как триста спартанцев в ущелье, враг теряет численное превосходство. А еще тут темнее.

Волки стали спускаться следом, выстроились в очередь, и задним никак не обойти переднего. В итоге, двое ушли, остался только вожак. Судя по размерам, это именно он.

Я чуть не упал. Волчара принял это как сигнал к атаке, но я успел вернуть равновесие, ткнул в морду посохом. Он рыкнул, отмахнулся лапой, но сам чуть не скатился, неуклюже попятился вверх, развернулся, содрал со стен мох, и выбежал, скрылся из поля зрения.

А я спустился на дно.

Здесь, как ни странно, просторнее, чем на спуске, а трава гораздо ниже. Я задрал голову. Высоко... Будто и впрямь в каньоне.

Я сел, навалился спиной на тупик, ноги растянулись на траве. Можно даже снять очки – сумрак здесь хороший.

Страху на смену приходит усталость. Трудно удержаться от желания вздремнуть. И все же нельзя. Волки еще здесь, слышу возню, иногда наверху кто-то мелькает.

Они не уйдут. Пока не обглодают кости павшему соплеменнику, уж точно. Но и меня не оставят. Эти хищники не дожили бы до таких размеров, если бы брезговали пищей. Это только в компьютерных играх через каждые сто метров по бегемоту, собери двадцать бегемотьих ушей для квеста... А здесь я, скорее всего, одно такое крупное ходячее мясо на километры и километры вокруг. Никто меня просто так не отпустит. Даже если смогу уйти сейчас – догонят. Может, не сегодня, но обязательно. С моей-то ношей.

Я хлопнул лежащий рядом рюкзак... Извлек спертую из дома Анжелы бутылку коньяка и сделал глоток. Поморщился. Запил из фляги.

Меня снова проведаль волк. Подался было к спуску, но я тут же поднял посох, оскалился и тихо зарычал. Волк замер на какое-то время, словно думая... Затем ушел.

Я опять навалился на стену.

Сейчас особо не лезут, сытые. Но проголодаются – вряд ли тупая палка их остановит. А бить ножом – придется подпустить слишком близко, сам тоже огребу.

Я достал моток веревки. Сделал продольный разрез на конце посоха. Всадил в него рукоятку ножа, перевязал все это художество веревкой. Получилось копьё. Хочется, чтобы от него был прок, но совсем нет желания испытывать в деле.

Лучше бы испытание не наступило никогда. Кто в это верит?

Изучаю овражью растительность. Мох и трава. Ни единого кустика.

Пришлось выползти наверх, за корягой, которую оставил вместо посоха. К счастью, волки почти не рыпались. У зверей послеобеденная сиеста. Мне бы так.

Вернувшись в овраг, я извлек из рюкзака топорик и раскурочил корягу на дрова. Вскоре чиркнул кремень зажигалки, запахло дымом, язычки пламени протрещали, что «все не так уж плохо на сегодняшний день»...

Я вернул зад в насиженное место – у высокой торцевой стенки, прислонившись спиной.

С костром, хоть и пришлось надеть очки, я ощутил себя под защитой, как кроманьонец в пещере. Все живое боится огня, это только человек такой псих, а значит, ни один нормальный волк не сунется, пока жив огонь. Можно даже вздремнуть. Только будильник бы завести... К сожалению, из будильников лишь волчьи челюсти. Нет, спать нельзя... Ни в коем случае... конечно...

А потом я проснулся.

Первое, что увидел, – волк. Стоит напротив, в паре метров, над давно остывшими угольками. Смотрит со злым спокойствием, будто исподлюбья.

А я, что странно, тоже спокоен. То ли не совсем проснулся, то ли думаю, что это – все еще сон. Spина вжата в стену тупика, как лист железа в магнит. Левая кисть вгрызлась

ногтями в землю стены, пальцы уперлись во что-то твердое и ровное. А топорик и копьё, как назло, дальше, чем смогу дотянуться! Рядом только бутылка коньяка. Напиться перед смертью...

Я медленно потянулся к бутылке, и волк шагнул ко мне.

Еще шаг. Между нами – метр. Черные мохнатые губы задергались, обнажая белое и острое, низкое рычание проникает под кожу, как инфразвук. Я наполнил рот щедрой порцией коньяка, но глотать не спешу. Поставил бутылку. Щеки вздулись, по подбородку течет капля, а я гляжу на скалящуюся смерть как зачарованный... Света, ты видела меня таким же, когда я шел на тебя с ножом?.. Света!

Ответь! Ты есть хоть в одном из миров?..

Перед лицом чиркнула зажигалка, и я со всей силы выплюнул на огонек. Облако пламени взревело, я зажмурился от боли в глазах, услышал пронзительный скулеж. Смог увидеть одним глазом, как волк диким клубком выкатился из оврага вверх по склону, на бегу терся мордой о траву, стены, о себя самого.

Я потрогал лицо. Вроде даже не опалил, но кожа горячая и сухая – пот испарился мгновенно. Хорошо, очки не расплавились.

Пришлось снова закапать в глаза.

Коньяка осталось на доньшке. Расточительство! Я спрятал в рюкзак. Топорик пристегнул к ремню на карабин. Копьё к стене, а сам развернулся к тупику. Вглядываюсь в под-

ножие. Туда, где совсем недавно пальцы нащупали за слоем земли нечто твердое и ровное.

Рюкзак одолжил мне лопатку, я сел на колени, и острый стальной совок начал соскабливать со стены замшелую почву.

Через пару минут я отказался верить глазам.

Дверь?

Глава 5

Да.

Посреди гребаного леса – дверь.

Древесина толстая и крепкая, несмотря на долгое пребывание под землей, гниение не смогло ее прогрызть. Зато на ней вмятины величиной с горошину. Из одной такой я выковырял погнутую пулю.

Толкнул дверь, но та не поддавалась. Дернул ржавую скобу ручки на себя, и дверь отзывчиво крякнула. Открывшаяся тьма дохнула затхлым воздухом, дверь воткнулась ручкой в земляную стену оврага.

Я приподнял очки с переносицы.

Туннель, укрепленный досками, балками, брусьями... Прямоугольная древесная жила уходит далеко вперед, во тьму. Двое прошли бы здесь вровень свободно, не задевая ни стены, ни друг друга. По высоте как в обычной квартире. Это что, заброшенная шахта?

Над головой зарычало.

Я тут же вернул черные стекла на глаза, задрал голову, кисть нашарила у стены копые.

На щеку капнуло теплое, резко пахнущее. Этого добра в избытке на белоснежном капкане волчьих челюстей. Черт, кажется, зверюга хочет спрыгнуть в овраг прямо на меня!

– Пшол!

Я ткнул копьем вверх. Волк чуть отпрянул, но зарычал сильнее. А затем подполз к обрыву ближе, надо мной нависла половина его туши.

Не помню, как я успел подцепить рюкзак и нырнуть в туннель. Зато помню, как на дно оврага грохнулась лохматая пружина, извернулась и выстрелила в меня раскрытыми зубастыми ножницами с хлыстом мяса внутри. А потом – удар в плечо. Это дверь, которую я успел закрыть, больно боднула под напором живого тарана с той стороны.

Хищник начал скрести дверь когтями, но от этого дверь лишь закрылась окончательно, накрыла космическая тьма, а рык и вой по ту сторону стали очень далекими, словно на другой планете.

Я устало опустился на пол, лопатки уперлись в холодные дверные доски, те дрожат от попыток волка прорваться. Подо мной ковер из круглых камешков. Я взял один, тот оказался очень легким, я пригляделся.

Керамзит.

Хм... А не так уж здесь и темно. Очень густой, но все-таки сумрак, а не крошечная тьма. Я вижу линии досок, поперечные балки на потолке, мохнатые занавески паутины, даже шляпки гвоздей в досках...

Я снял очки.

– Что?

Это я смог прошептать лишь через полминуты после потрясения, которое нахлынуло вместе с... синим светом, что

затопил все вокруг, но не обжигает глаза! Невозможно поверить, но это так – туннель до мелочей освещен мягким синим светом. Тот наполовину состоит из сумрака, но все-таки даже такой уровень света раньше доставлял мне дискомфорт, а здесь – глаза словно укутаны обезболивающей тьмой, но я вижу. И вижу прекрасно!

Но откуда свет?

Я внимательно осмотрел потолок в поисках лампочек. Оглянулся на дверь – может, свет льется из щелей между досками? Нет, глухо как в гробу. Да и был бы источник, я бы увидел стрелки теней и лучи. А здесь сумрак разбавлен в воздухе равномерно, как синяя краска в стакане с водой.

Держу перед собой руки, пальцы играют как щупальца медузы, и я наслаждаюсь тем, что могу видеть во тьме каждую черточку на коже. Так невероятно, что вселяет ужас. Подобное было в детстве, когда первый раз мастурбировал. Кайф, но все-таки жутко, что организм способен выдавать... ТАКОЕ.

Я поднялся. Рюкзак на спину, копьё – перед собой. Осторожно пошел по коридору.

Черт, но ведь раньше этого не было! Не впервые ведь нахожусь в абсолютной темноте, мог бы заметить. Или, может, светочувствительность у альбиносов со временем прогрессирует? За жизнь пришлось перечитать кучу статей об этой генетической болячке. Альбинизм – в ряду самых малоизученных генетических отклонений. Один на двадцать тысяч

нормальных, по скромным подсчетам. А вдруг такой, как я, – один на двадцать тысяч альбиносов? Уж если сама мутация изучена мало, то что говорить о мутациях внутри мутации.

Не помню, чтобы где-то встречалось, что светобоязнь помогает альбиносам видеть в темноте. Сплошные минусы... Разве что экзотическая внешность – эльф и некромант в одном флаконе – цепляет всяких девочек-неформалок. Среди них я, собственно, и нашел Свету...

Паутина впереди перекрывает туннель, сливаясь в пушистую занавеску. Страшно представить, как долго здесь никто не ходил... Пыльная плевра оказалась такой плотной, что глухо рычит, пока копье с безгливой осторожностью рвет шедевр паучьего ткачества.

То, что я увидел за паутиной, отвлекло от бурных эмоций по поводу «ночного» зрения. Если бы я не был ошарашен последним, то эта картина меня потрясла бы. А так лишь погасила недавний шок. Клин клином.

Из стены торчит гигантский топор.

Рукоятка перегородила проход, массивное лезвие утоплено в трещине, доски в стене раскорячило так, словно в них на полном ходу врезался мотоцикл.

Я подошел ближе.

Топор и впрямь огромен. Весит, наверное, больше меня. Откуда вообще взялся? Не похож на лесоповальное орудие, разве что Железному Дровосеку. Его бы в эпоху рыцарства, а то и вовсе гладиаторских боев. Рукоятка метра полтора, к

ней уж точно полвека не прикасались: колючий чехол пыли, уныло свисают рваные паутинные знамена, витиеватым узором оплели корешки, по ним текут цепочки муравьев.

Это ж как надо было размахнуться, чтоб так засадить? Тут ведь тесно как в склепе! А какая нужна силища... Я такую громадину не сдвину, даже если бы просто лежала на земле!

Дверь, ночное зрение, топор в стене... Странностей слишком много за раз, не укладывается в голове. Чувствую себя Алисой, нашедшей кроличью нору. Похоже на бредовый сон. Пытаюсь осмыслить, а ноги на автопилоте ведут вперед.

Доски стен переплетаются с толстыми корнями деревьев. По одному такому, скрутившему потолочную балку, ползет мокрица, вижу усики, лапки, каждый сегмент...

А действительно ли я оставался когда-нибудь в полной темноте? Я же типичный горожанин эпохи электричества, в наше время светятся даже подошвы кроссовок и кнопки на стиральной машине. В спальне глубокой ночью сквозь щели между шторами все равно проникает свет уличных фонарей и рекламного неона.

И все-таки скоро я ощутил, что здесь хорошо. Давно не чувствовал такого уюта. Плаваю в темноте, как младенец в материнской утробе, а синий сок омывает, расслабляет мышцы, питает силами. Я будто оказался дома.

И все же где я? Кто построил этот туннель и для чего? Дошел до перекрестка. Коридор тянется дальше, но есть два поворота. И я, аки витязь на распутье, решаю, куда даль-

ше ... Да блин, какая разница, все равно понятия не имею, куда иду и что это вообще за место.

В итоге свернул налево. Такой же коридор, прохладный и сыроватый, но древесина чуть суше, под ногами уже привычный хруст керамзита. Мышь, завидев меня, юркнула в нору под стеной.

Вновь перекресток. Опять налево. Ребра из досок и брусьев мелькают и мелькают, этой глотке нет конца...

Оп!

Туннель резко стал шире, потолок – чуть выше, я оказался в зале протяженностью метров тридцать. В конце зала – ворота. Створки стережет толстый брус, спящий в железных скобах, наверное, не одно десятилетие. До ворот по земле растянулись затвердевшие следы гусениц и колес.

Похоже, здесь был гараж.

Я подошел к воротам, прошелся вдоль створок. Видимо, брус сросся со скобами, оторвать можно только вместе с проржавевшим металлом.

Я остановился.

В одной из досок – овальная дырка от сучка, оттуда торчат корешки.

Похоже, ворота с той стороны похоронены пластом земли. Я ткнул в дыру копьём, клинок ушел, я выдернул – и отвернулся, прошипев. Лапа нащупала в жилетке очки, пришлось надеть. Луч света с непривычки такой жгучий, будто на глаза брызнули солнечной плазмой...

«Солнце, за окном твой тезка».

«Кто?»

«Солнце!»

«А, ну да... Может, тезка спрячется за тучку? Хочу еще поспать».

«Десять утра!»

«И что? Задерни шторку».

«Дожили. Вообще-то бояться солнца – прерогатива моя».

«Ты меня боишься?»

«Конечно! Сожрешь меня, даже кости не прожухешь».

«Это я могу. Вот прям сейчас. Нырять под одеяло...»

Я сгреб в пригоршню керамзит под ногами, заткнул щель.

Снял очки.

Господи, тьма! Как мало надо вампиру для счастья...

Правда, сердце какое-то время колотилось взволнованно, тьма не желала превращаться в волшебную синеву, в которой я видел. Уж подумал, что луч света выжиг мою новорожденную способность, но мрак начал-таки уступать знакомым синим линиям: вот шевелятся пальцы, под ногами керамзит, следы гусениц, вокруг – древесный скелет зала... Рядом ворота.

Что ж, убедился, что там выход на поверхность. Только выходить совсем не хочется. Зачем? Еда и вода пока есть, а это подземелье так и просит в безмолвном стане: «Изучи!».

Я вернулся к перекрестку.

Позже царапал на стенах метки после каждого тупика. Во-

оружился золотым правилом лабиринта – идти по правой стороне. Рано или поздно придешь к выходу либо вернешься туда, откуда начал. Хорошо, что нет лестниц: сеть туннелей, похоже, находится на одной глубине... А еще на полу частенько попадаются гильзы. Я нашел среди камушков металлическую звездочку, эмблему Красной армии. А однажды под слоем мелких грибов обнаружилась фуражка со значком орла, такие, если не ошибаюсь, носили немецкие офицеры.

Коридоры похожи друг на друга как две капли, уже кажется, что брожу в этих катакомбах целую вечность. Но очередной туннель вывел-таки... не в коридор!

Помещение метров десять на десять. Четыре стены. В каждой – рот туннеля, из одного такого и вышел я. Интуиция подсказывает, что это сердце лабиринта. Отсюда он разветвляется во все стороны.

В центре массивная, около метра в ширину, квадратная колонна.

Вдоль стен построились нагромождения ящичков. Длинные, ребристые, в таких обычно хранится оружие и боеприпасы. Я открыл один – там песок. Роюсь в нем...

Морковь.

В соседнем ящике – картошка.

Я продолжил открывать ящики. И добрался до того, где оказались целые блоки из толстых жестяных шайб. Тушенка! Черт, настоящая армейская тушенка! Я потряс одну банку, там побулькало. На крышке вмятины-цифры. Мать моя, да

это мясо времен Второй мировой!

Теперь с едой проблем не будет. Только вряд ли добро бесхозное. Я еще мог бы поверить, что тушенка пылится здесь с середины прошлого века. Но овощи...

Кажется, я залез в чужой дом.

Рядом с колонной висит язык веревочной лестницы, от потолка и до пола. На потолке выделяются контуры прямоугольника, чуть меньше квадратного метра. Приглядевшись, я заметил металлическую скобу ручки.

Похоже, этот люк ведет на свет. Не очень-то хочется вылезать из уютного мрака, он так благосклонен к глазам. Но нужно знать, где я.

На всякий пожарный подкормил каждый глаз парой капель из флакончика с лекарством, после чего усадил на переносицу очки. Рюкзак и копье пришлось оставить. Руки и ноги карабкаются по плавучим рейкам... Вылезать не буду. Приподниму крышку, гляну – и вниз.

Крышка выглядит громоздкой, как железобетонная плита. Но когда я толкнул вверх, та отзывчиво крякнула, я не ощутил сопротивления. Куда больше напряг свет. Вроде не яркий, но даже сквозь черные стекла жалит глазные нервы, вынуждая зрачки трусливо узиться. Будто я вылез из могилы, пролежав в гробу полвека.

«Видишь тот скверик? Я там когда-то первый раз в жизни увидела белочку».

«В смысле, перебрала с алкоголем?»

«Нет, с алкоголем я перебрала, как все нормальные люди, на выпускном. А тут была другая белочка. Пушистая, с хвостом. Я сидела на во-о-он тех качелях, а она была на крыше того теремка. Поздоровалась со мной».

«Кто? Белочка?»

«Ага».

«С чего ты взяла, солнце?»

«Ну, она так на меня смотрела, смотрела... Показалось, что кивнула. И ускакала на дерево».

Снаружи трава. Около крышки притоптана, но немного дальше зеленая стена камышей. В легкие ворвался свежий нагретый воздух, я слегка опьянел от резкой перемены газовой смеси в груди.

Трава высокая, мешает разглядеть что-либо за ней, я рискнул приподнять крышу выше.

Со всех сторон холмы, заросшие высоченными мачтовыми соснами. Я словно на дне гигантского котла.

Высоко на склоне привлекает внимание громадина величиной с грузовик, заросшая коврами зелени: мох, папоротник, кое-где даже мелкие елочки. Эта штука частично всажена в землю, как зуб в десну. Вглядываюсь в непонятную глыбу... Нет, не грузовик. Вместо колес – гусеницы, а наверху башенка, из которой тянется вперед и чуть вверх, как рука при нацистском приветствии, длинная труба.

Да это же танк!

Очевидно, железный монстр тут с войны, однако распо-

знать, немецкая машина или наша, знаний не хватает, да и зарос дедушка зеленой бородищей, морду не разглядеть. Как он вообще сюда попал? Со всех сторон холмы да сосны! Наверное, рельеф тогда был иной. И вообще, на войне всякое бывает.

Есть у танка более странная деталь, чем он сам. На конце дула висит череп какого-то рогатого животного. То ли коровы, то ли быка. Скорее второе. Уж больно здоровый. Да и рога как копыя.

Из кустов на холме выпорхнула крупная птица.

Крылья захлопали, но выше сосен пернатая тушка так и не взлетела. Щелчок, свист – и птица закувыркалась в падении. Рухнула рядом с танком. Крылья бьются в агонии, на перьях и траве множатся брызги крови.

Из птицы торчит стрела.

А из-за дерева с луком в кулаке вышла женщина. Нечто дремавшее внутри меня заворочалось. Черное платье, черные вьющиеся волосы... Издали похожа на ведьму, каких в темные века любили жечь на кострах старики в рясах.

Женщина вышла из тени деревьев на свет, сандалии полетели по кочкам. Она прыгала по склону с легкостью горной антилопы, волосы преследовали хвостатой клубящейся тучей дыма. Последним, самым длинным, как на Олимпийских играх, прыжком она возникла рядом с птицей, с упором на колено.

Лук на землю, кисти утонули в перьях. Крылья дернулись,

и стрела оказалась в кулаке отдельно от птицы, а последняя затихла окончательно. Стрела легла в траву рядом с луком, а женщина разглядывает окровавленную ладонь...

Через какое-то время запрокинула голову, ее взгляд переместился на огромное, дремлющее под ковром зелени металлическое чудовище. Ладонь легла на проржавевшие детали гусениц, проскользнула по ним, оставляя кровавые мазки.

Подхватила птицу за горло, парой-тройкой прыжков взобралась на башню танка. Положила птицу и снова запустила руку в глубину перьев. Кисть вернулась, вымазанная кровью так, будто кулак побывал в банке с красной эмалью. После этого «ведьма» вскочила и, расправив руки как крылья, пробежалась по трубе танкового дула, как цирковая эквилибристка, добралась до конца и уселась промежностью на трубу рядом с бычьим черепом, подол платья скользнул вверх, на солнце засверкали бедра.

Я сглотнул.

Ведьма с любовью обмазывает череп быка кровью, в тесном вырезе платья толкаются груди, а я наблюдаю из-под крышки, сквозь зеленый часток кол камышей, и томлюсь в мысли, что впервые за три недели вижу женщину. Ноздри непроизвольно втянули воздух, будто внутри проснулось нечто древнее, способное улавливать одинокие заблудшие молекулы, которые ветерок украдкой оторвал от женской кожи.

Ведьма наклонилась. Волосы и грудь повисли, мое дыха-

ние замерло, я диафрагмой ощутил их тяжесть. Ее губы что-то прошептали и коснулись черепа меж рогов.

После женщина ловко вскочила, разворот, и сандалии повторили изящный танец по замшелой трубе, ведьма вернулась на башню, опустилась на колени рядом с птичьей тушкой. Ножны на поясе опустели, сверкнула сталь, ведьма расправила пернатую гармошку крыла и запустила клинок под самый его корень, плечо задвигалось туда-сюда, хруст сухожилий, суставов...

Я обратил внимание, что на поясе ведьмы, кроме ножен, кобура пистолета.

От птицы отделилось одно крыло, затем второе.

Все время, пока держал над головой крышку, та постепенно становилась все тяжелее, будто кто-то с той стороны подкладывал гири. Уже не могу игнорировать горячий свинец в мускулах, на лбу выступила испарина, хочется обратно во тьму...

По котлу холмов разлилось эхо металлического скрежета, ведьма подняла круглую крышку люка, и та ударилась о башню, грохот потонул в подушке растений. Ведьма взяла крыло в обе ладони, как на блюдо. Перья прошуршали о края люка, руки исчезли в глубине башни до плеч. Вернулись пустые. Таким же образом женщина опустила в недра танка второе крыло.

Крышка люка снова заскрипела.

– Я закрываю этот люк, – торжественно заговорила ведь-

ма, – чтобы мог ты утолить голод. Смертные недостойны взирать на трапезу твою. Ешь, мой бог! Да снизойдет капля милости твоей... на верную жрицу.

Бах!

Крышка вернулась на стражу башни.

Ведьма стиснула в кулаке птичью шею, оказалась у подножия танка и стала быстро спускаться с холмов.

Я замешкался, чуть не свалился с лестницы, когда опускал крышку, мне показалось, она гроыхнула так, что даже белки на соснах слышали. Но еще больше смутило, что я оказался в полной темноте. Совсем забыл, что после контакта со светом способность видеть во тьме не возвращается в ту же секунду.

Спускаться пришлось на ощупь. Меняхватило на пару ступенек – я спрыгнул, и подошвы ударились о пол, я присел. Пальцы нащупали лямку рюкзака. Я надел на спину, после чего нашел копьё. Тьма не желает расступаться...

Над головой скрипуче загрохотало.

Сердце ушло в пятки. Я поймал момент, когда в подземелье хлынули первые порции света сквозь узенький квадратный контур, и нырнул в туннель перед собой, спрятавшись за широким бревном опорного столба у стены... Едва успел.

Крышка с грохотом ушла вверх, и контур света превратился в сплошной световой портал, свет льется как вода из душа. Пришлось отвернуться, надеть очки...

«Родной, заведем кота!»

«Зачем, солнце?»

«Будем гладить, тискать, брать в постель...»

«А меня тебе мало?»

«Ну пожа-а-алуйста! Давай не кота, а кошку, раз ты такой Отелло».

«Уже есть одна. Мурлычет тут...»

«Мяу!»

Я выглянул вновь.

Показались сандалии, закачался подол черной юбки, а затем в подземелье ловко, но без суеты спустилась женщина.

На вид не больше тридцати. Выше меня. Отряхнув черное платье, распрямила спину. Такая явно привыкла колоть дрова и таскать штангу коромысла с ведрами. Помесь ведьмы и русской бабы. Стыдно признать, но я, мужик, голыми руками ее вряд ли обезврежу.

Лук, стрела и добыча, очевидно, остались где-то наверху. У женщины при себе только ремень с кобурой. Почему-то я уверен, что пистолет того же времени, что и тушенка.

Перекинув волосы за плечи, «ведьма» приподняла складки юбки и под хруст керамзитовых камушков подошла к ящикам с овощами.

Заскрипела крышка, и вскоре в чаше ладоней появилось несколько картофелин.

– Так-то.

Спокойный, но полный довольства шепот эхом прошелся по лабиринту, и меня окатило волной мурашек, будто по го-

лой спине провели теплой ладонью. Господи, как долго я не слышал женский голос!

Его обладательница вернулась под столп света на фоне центральной колонны, стала одну за другой кидать картофельные гранаты в люк над головой. Когда те закончились, пальцы сплелись с веревками лестницы, сандалия ступила на нижнюю перекладину.

В этой позе ведьма застыла секунд на десять. Все это время ее взгляд прикован куда-то к полу, я проследил линию этого взгляда...

О нет!

Фигура в черном платье уже подошла к коридору, из которого пришел я, присела на колено и разглядывает мои следы с кусочками лесной грязи. А я затаился в туннеле сбоку, слежу из-за столба. Щепотка моих пальцев, тем временем, потянула за шнурок, кулак с саперской осторожностью стаскивает обувь...

Женщина не двигается – лишь подняла голову, вглядывается в туннель перед ней. Но кожей чувствую, ее тело напряглось, как у кошки. Ладонь легла на кобуру.

Берцы уже торчат отдельно от меня, аккуратно снимаю рюкзак. Но в момент, когда его дно опустилось на пол, камешек под ним предательски хрустнул. Моя голова успела отдернуться в тень столба, сердце чуть не выскочило!..

Я не успел увидеть, иначе уже гремели бы выстрелы, но уверен, она обернулась... и пристально смотрит в проем тун-

неля, за бревенчатым ребром которого прячусь я.

Вспыхнул звук расстегнувшейся металлической заклепки. Достала пистолет! И непременно заглянет сюда, непременно!

Мои пальцы подцепили с пола камешек.

Не сработает. Слишком много света, она увидит, как он летит. Не делай этого, придурок, не делай!..

Я кинул камень в противоположную часть подвала.

Далекий перестук смешался с шелестом платья и резким вдохом... Боже, скажи, что она развернулась! Вжимаюсь в стену, точно тень.

Очень хочется побежать в спасительный мрак туннеля, но она услышит, начнет стрелять. А поперечное пространство коридора ограничено, по мне будет легко попасть, даже если она будет палить вслепую.

Дуло!

Оно показалось из-за края проема. Далеко. Направлено в туннель, который против моего. Спасибо, Господи! Женщина, держа пистолет на вытянутой, крадется под купол света, вижу ее спину.

Продолжая двигаться к туннелю, в который целится, женщина скрылась за колонной.

Сейчас или никогда!

Я отлип от стены, не дышу, ладонь нащупала древко копья. Передо мной блеснул клинок ножа-наконечника.

Сандалии женщины заставляют керамзит на земле хру-

стеть, и это помогает мне маскировать собственные шаги. Босые ноги ступают туда, где камушков почти нет. Адреналин распирает, уже не чувствую тело. Стекла очков запотели... А сердце долбит в ребра, и кажется, что она это слышит!

Я обошел колонну. Сбоку лестница и свет с потолка, без очков я бы с непривычки ослеп... Передо мной вновь спина, укрытая плащом волос, колебания юбки... и пистолет, ищущий меня.

А у меня лишь копье в замахе. Метатель я дерьмовый, но просто подбежать и ткнуть не успею, выстрел грянет раньше.

Обернется. Сейчас обернется!.. Света же обернулась. Когда крался к ней с ножом, она тоже была ко мне спиной. А я, как и сейчас, был в носках, под ступнями не было камней – лишь мягкий ковер. Но она все равно обернулась. Хотя пыхтел я громко... будто специально внушал: «Обернись, обернись!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.